

ВВЕДЕНИЕ В КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО С РАЗЪЯСНЕНИЕМ СЛОЖНЫХ ВОПРОСОВ

Учебное пособие

М.А. Краснов

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Михаил Краснов

**Введение в конституционное право
с разъяснением сложных вопросов**

«Высшая Школа Экономики (ВШЭ)»

2018

УДК 342.4
ББК 67.400

Краснов М. А.

Введение в конституционное право с разъяснением сложных вопросов / М. А. Краснов — «Высшая Школа Экономики (ВШЭ)», 2018

ISBN 978-5-7598-1766-6

В книге раскрываются смысл и содержание наиболее сложных для понимания конституционно-правовых явлений, таких как конституция, правовое государство, демократия, светское государство, республика и др. Основопологающие категории рассматриваются в их историческом развитии и с позиции разных исследователей. Автор привлекает образные сравнения, метафоры, использует иные приемы, для того чтобы перед читателем возник зримый образ кажущихся отвлеченными понятий. Для студентов юридических вузов, обучающихся по программам бакалавриата и магистратуры, а также всех интересующихся историей становления российской Конституции и проблемами конституционного права.

УДК 342.4
ББК 67.400

ISBN 978-5-7598-1766-6

© Краснов М. А., 2018
© Высшая Школа Экономики
(ВШЭ), 2018

Содержание

Об этом издании	6
Принятые сокращения	8
1	9
Родовые черты советского типа государства	11
«Россия – единая фабрика»	11
«Советы – работающая корпорация»	17
«Партия – авангард трудящихся»	21
Мессианство vs. эффективность	27
Контрольные вопросы	32
Рекомендуемая литература	33
2	34
О термине	34
Рождение конституции современного типа	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Михаил Александрович Краснов
Введение в конституционное право
с разъяснением сложных вопросов

© Краснов М.А., 2018

* * *

Об этом издании

Когда я учился на юридическом факультете, новые термины и понятия так и сыпались на голову. Конечно, в учебниках они объяснялись, давались их определения. И для сдачи экзаменов этого было достаточно. Но, уже начав работать по специальности, я обнаружил, что учебные знания не позволяют мне (как я сам это воспринимал) «потрогать» то или иное понятие, т. е. как бы увидеть его образ, понять его смысл, предназначение и благодаря этому правильно применить его при анализе и оценке того или иного явления. Поэтому мне показалось полезным написать книжку, которая поможет еще на стадии учебного постижения некоторых понятий конституционного (государственного) права сделать их менее отвлеченными, менее «одномерными» и, надеюсь, более ясными.

Почему книга называется «Введение в конституционное право»? Потому, что она посвящена уяснению смысла наиболее важных и в то же время сложных понятий, которые применяются российской Конституцией и составляют основу конституционного права как науки и как отрасли. Постигая их, вы как бы приоткрываете завесу над одной из самых философских среди юридических дисциплин, входите в мир конституционного права. Без понимания основополагающих категорий вы не будете способны критически оценивать действительность, законы, политические решения и т. п., следовательно, не сможете быть хорошими юристами, где бы вы ни работали.

Есть и другое объяснение. С одной стороны, вы столкнетесь с попыткой автора (удачной или неудачной – судить вам) произвести, так сказать, *редукцию* некоторых понятий, т. е. свести их к несколько упрощенной схеме. Такой метод я применил в учебных целях. С другой стороны, текст насыщен изложением разных мнений, точек зрения, что, в общем-то, противоречит стремлению упростить сложную материю. Однако если бы я отказался от этого второго пути, данную работу можно было бы назвать «Популярным конституционным правом», «Конституционным правом для домохозяек» и т. п. Для тех же, кто готовится стать профессионалом, она оказалась бы бесполезной. Знакомство с разными позициями, теоретическими и практическими проблемами как раз и есть составная часть *введения* в самый сложный мир конституционного права.

Многие из анализируемых в настоящей книге понятий одновременно являются собой основные **конституционные ценности**. А ценность, как ее кратко определяет философская наука, это человеческое, социальное или культурное значение определенных явлений действительности¹. Проще говоря, то, что считается более (или даже наиболее) важным, значимым для человека и общества в целом.

Для того чтобы нечто стало для человека ценностью, он, естественно, должен понимать смысл, предназначение и значимость данного явления. Вот почему я старался объяснить, в чем состоит ценность и конституции, и основных принципов конституционного строя. Достоинство, свобода (физическая, духовная, творческая), собственность, материальное благополучие и многое другое (точнее, защита этих ценностей) зависят (иногда напрямую) от того, каковы основы данной государственности и насколько они реальны.

Некоторые суждения, высказанные в книге, авторские подходы, выводы могут показаться непривычными. Это не следствие моего стремления к оригинальности, а результат осмысления тех идей, о которых в свое время писали умнейшие и образованнейшие люди. Именно поэтому в работе много цитат: хотелось, чтобы вы почувствовали дух произведений разных мыслителей. Так что предлагаемое издание можно считать своего рода паллиативом хрестоматии. Кстати,

¹ См., например: Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 765.

поэтому при первом упоминании того или иного автора полужирным шрифтом выделено его имя, а кроме того, в скобках приводятся годы жизни тех, кто уже умер.

Структурно работа состоит из трех частей, которые разбиты на условные разделы и подразделы. Тем самым я даже «эстетически» отошел от традиционного учебника и потому, за исключением основных частей, не нумеровал структурные единицы.

Часть, посвященная краткому разбору того, что являл собой *советский тип государства*, может показаться в данной работе ненужной. Но я убежден, что разговор об этом необходим. Ведь любая новая система социальных отношений несет на себе отпечаток (и остатки) предшествующей. В значительной степени это относится к советской системе, основанной на совершенно ином мировоззрении и иных принципах. Соответственно, для понимания того, почему именно данные понятия и в данном преломлении фигурируют в Конституции РФ, а также для трезвой оценки действительности следует знать, «из какой “шинели” вышла»² существующая общественная и государственная система России.

Кроме того, та «картина мира», которая была «усвоена» советским человеком, не исчезла с появлением новых институтов и в силу социальной инерции оказывает влияние на становление принципиально иной государственной и общественной системы. Тем более что в государственном аппарате (в его широком понимании) до сих пор работают множество людей, чье нравственное и профессиональное становление пришлось на советское время. Социальный стереотип есть широко распространенный схематичный образ социального объекта. А значит, мы можем лучше понять современное состояние общества и государства, если выясним, на основе чего возникли и сформировались советские стереотипы.

Вторая часть книги посвящена *феномену конституции*. Без осмысления того, что представляет собой конституция в современном мире, затруднительно понять и что такое конституционный строй, каковы его основы, или главные принципы. О сущности конституции спорят уже два века. Не потому, что ученые не могут постичь этот феномен, а потому, что в зависимости от своего мировоззрения они по-разному его трактуют. Поэтому я постарался, пусть и схематично, представить различные подходы к пониманию смысла конституции и обрисовать тот, который считаю более верным.

В этой части, однако, говорится не только о понимании конституции. Естественно, я не мог обойти вниманием вопрос и о характере отечественной Конституции 1993 г., а также об исторических условиях, которые во многом предопределили ее особенности.

Наконец, в последней, третьей части анализируются *основы конституционного строя России*. Конституция России (как и всякий иной подобный документ) обладает свойством *системности*, в связи с этим многие положения ее глав являются конкретизацией, раскрытием основ конституционного строя, закрепленных в ее первой главе. Однако такой системный анализ представляет собой отдельную исследовательскую задачу, и потому не все основы конституционного строя я соотносил с нормами из других глав Конституции.

В работе вы встретитесь с текстом, имеющим иной формат в сравнении с «основным». Этот прием я позаимствовал у выдающегося французского конституционалиста **Леона Дюги** (1859–1928), применившего его в фундаментальном труде «Конституционное право. Общая теория государства». Таким образом я отделяю большие цитаты, примеры из практики, а также некоторые авторские суждения, которые играют роль дополнительных.

Курсив и другие шрифтовые выделения во всех цитатах по умолчанию мои. Но если курсив был в самой цитате, я на это указываю.

Не могу не выразить глубокую благодарность моим друзьям-коллегам: **И.А. Алебастровой**, **В.Б. Евдокимову**, **А.Б. Зубову**, **В.А. Кряжкову** и **Е.А. Мишиной**. Своими ценными замечаниями они помогли улучшить текст этой книги.

² Перефразировано известное выражение, приписываемое Ф.М. Достоевскому: «Все мы вышли из “Шинели” Гоголя».

Принятые сокращения

Ведомости СНД и ВС РФ – Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации.

Ведомости СНД и ВС СССР – Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР.

ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет (см. также *ЦИК*).

ГКЧП – Государственный комитет по чрезвычайному положению. Орган, созданный в процессе попытки государственного переворота 19 августа 1991 г., по приказу которого Президент СССР М.С. Горбачев был изолирован в Крыму и фактически отстранен от власти. ГКЧП просуществовал до 21 августа 1991 г.

ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР. Этот репрессивный орган в разные периоды советской истории имел разные наименования (ВЧК, НКВД, МГБ, КГБ). Этот орган был даже упомянут в Конституции СССР 1924 г., в ст. 61 которой закреплялось: «В целях объединения *революционных усилий союзных республик по борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом* учреждается при Совете Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик Объединенное Государственное политическое управление (ОГПУ), председатель которого входит в Совет Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик с правом совещательного голоса».

Политбюро ЦК КПСС (РКП(б), ВКП(б)) – Политическое бюро Центрального комитета коммунистической партии. Орган, реально управлявший партией и страной вплоть до путча в августе 1991 г. (некоторое время назывался Президиум ЦК). Название самой партии неоднократно менялось: сначала РСДРП (Российская социал-демократическая рабочая партия), затем, после раскола на большевиков и меньшевиков, РСДРП(б), с 1918 г. – РКП(б) (Российская коммунистическая партия (большевиков)), после создания СССР – ВКП(б) (Все-союзная коммунистическая партия (большевиков)) и, наконец, с 1952 г. – КПСС (Коммунистическая партия Советского Союза).

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

РФ – Российская Федерация.

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.

СЗ РФ – Собрание законодательства Российской Федерации.

САПП РФ – Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации.

СНК (РСФСР, СССР) – Совет народных комиссаров (Совнарком). Так с 1917 по 1946 г. именовался Совет Министров (в союзных республиках также были СНК). По Конституции СССР 1924 г. СНК считался «исполнительным и распорядительным органом Центрального Исполнительного Комитета» и образовывался последним, но только формально, так как в реальности состав Совнаркома формировался Политбюро Центрального комитета компартии.

СУ РСФСР – Собрание узаконений РСФСР. Официальное периодическое издание, в котором публиковались акты органов государственной власти в первые годы советской власти.

ЦИК (до декабря 1936 г.) – Центральный исполнительный комитет Съезда Советов СССР (такие же органы существовали и в союзных республиках). Формально, по Конституции СССР 1924 г., «верховным органом власти» страны был Съезд Советов, но в период между съездами, т. е. сессиями, высшим органом являлся ЦИК, образуемый Съездом. Любопытно, что у ЦИК был еще и его Президиум, обладавший большими полномочиями. Сегодня акронимом «ЦИК» обозначают Центральную избирательную комиссию РФ. Чтобы не было путаницы, по отношению к ней я применяю аббревиатуру «Центризбирком».

1

Советский тип власти

Поклонники советской власти говорят: «В СССР были построены заводы, шахты, приiski, ГЭС и ТЭЦ и вообще вся тяжелая промышленность, которой сейчас владеют воры-олигархи». А кто ими тогда владел? Кто был выгодополучателем всей этой – по большей части военной – промышленности? Народ, что ли? Нет, друзья мои. Народ загибался на вредных производствах, получал скудный прожиточный минимум и стоял в очередях – на квартиру и за свеклой. И все для того, чтобы советская партийно-хозяйственная верхушка ездила на персональных машинах, жила в огромных квартирах и дачах, получала огромные зарплаты и неденежные льготы, отдыхала бы на «цековских» и «совминовских» курортах, лечилась бы в больницах «четвертого управления Минздрава СССР» и т. д. и т. п.

Денис Драгунский «Без печали и вздыхания»

Спор в венском кафе «Ландман» в 1918 г. разгорелся во время встречи немецкого социолога Макса Вебера с австрийским экономистом Йозефом Шумпетером и известным венским банкиром Феликсом Зомари; последнему, кстати, мы и обязаны ценнейшим свидетельством об этом споре. Речь зашла о русской революции. Й. Шумпетер радостно заявил, что социализм наконец перестал быть «бумажной дискуссией» и теперь будет вынужден доказывать свою жизнеспособность. М. Вебер возразил, что попытка ввести социализм в России, учитывая уровень ее экономического развития, есть, по сути дела, преступление и закончится катастрофой. По воспоминаниям Ф. Зомари, Й. Шумпетер холодно заметил, что это вполне может случиться, но что Россия представляет собой «прекрасную лабораторию». В ответ М. Вебер взорвался: «Лабораторию с горой трупов». Й. Шумпетер сказал: «Как и любой анатомический театр».

Ян-Вернер Мюллер «Оспаривая демократию: политические идеи в Европе XX века»

Люди давно думают над тем, чем и в какой степени детерминировано настоящее. Частный случай такой предполагаемой детерминации – события прошлого. В XX в. в институциональной экономике даже появилась концепция (теория) *path dependence* – «зависимость от предшествующей траектории». В чем же смысл этой концепции, если давно известно, что «кроме настоящего, как в жизни отдельного лица, так и в жизни народа огромное влияние имеет их прошлое»³? Смысл в том, что в те моменты истории, когда выбирается какая-либо одна возможность из веера различных альтернатив (в точке бифуркации), «выбор <...> практически всегда происходит в условиях неопределенности и неустойчивости баланса социальных сил. Поэтому при бифуркации судьбоносными могут оказаться даже совсем мелкие субъективные обстоятельства – по принципу “бабочки Брэдли”»⁴. Проще говоря, когда для данного общества (или даже человечества) открывается «окно возможностей», совершенно

³ Булгаков С.Н. Избранное / сост., автор вступ. ст. О.К. Иванцова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОС-СПЭН), 2010. С. 73.

⁴ Нуреев Р.М. Россия после кризиса – эффект колеи // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). 2010. Т. 2. № 2. С. 8.

неизвестно, какое «мелкое обстоятельство» повлияет на выбор. Вспомним стишок **С.Я. Маршака** (1887–1964):

Враг вступает в город,
Пленных не щадя,
Оттого, что в кузнице
Не было гвоздя.

Наследие советской государственности вряд ли можно отнести к проявлению эффекта *path dependence*. Однако последствия здесь такие же: институты, существовавшие несколько десятилетий, сформировали определенное общественное сознание, и все это оказывает существенное влияние на наше развитие. Об основных этих институтах (чертах) я и хочу вкратце рассказать.

Родовые черты советского типа государства

После государственного переворота 25 октября (7 ноября) 1917 г. (хотя подлинным переворотом следовало бы считать не свержение Временного правительства, а разгон в январе 1918 г. избранного народом Учредительного собрания) началась большевистская *революция*, или, как бы сегодня сказали, реализация «национального проекта» под названием «отмирание государства».

Уже первые годы осуществления этого «проекта» подтвердили его утопичность. В немалой мере это было обусловлено тем, что в картине мира основоположников марксизма-ленинизма не нашлось места для учета *психологии обычного человека*. Впрочем, таков общий порок любых утопий, начиная еще с идеального государства Платона. Кстати, разбирая взгляды этого философа, известный политический мыслитель XX в. **Карл Поппер** (1902–1994) выдвинул концепцию двух методологических подходов социальной инженерии – «*утопического*» и «*постепенного*». К. Поппер так резюмировал различие между ними:

«Различие здесь не только в словах. В действительности оно очень велико. Это – различие *между стремлением облегчить человеческий жребий и практикой*, которая, будучи применена, невыносимо усилит человеческие страдания. Это – различие *между методом, который можно применять в любой момент, и методом, отставание которого может послужить удобным поводом для того, чтобы откладывать действие на более поздний срок*, когда условия будут более благоприятными. Кроме того, это – различие *между единственным до настоящего времени способом улучшения положения дел, приводящим к успеху в любое время и в любом месте, и методом, который всегда приводил только к подавлению разума насильем и к отказу либо от самого метода, либо от его первоначального замысла*»⁵.

В «утопической инженерии»⁶ **В.И. Ленина** (1870–1924) можно выделить три опорных элемента: 1) «*Россия – единая фабрика*», 2) «*Советы – работающие корпорации*» и 3) «*Партия – авангард трудящихся*».

«Россия – единая фабрика»

Марксизм считает, что ликвидировать социальное неравенство можно, только *покончив с частной собственностью и конкуренцией*. Эта идея в самом четком ее виде была обрисована **Фридрихом Энгельсом** (1820–1895) в работе «Принципы коммунизма» (она представляет собой самоинтервью):

«14-й вопрос: *Каков должен быть этот новый общественный строй?*
Ответ: Прежде всего, управление промышленностью и всеми отраслями производства вообще будет изъято из рук отдельных, конкурирующих друг с другом индивидуумов. Вместо этого все отрасли производства будут находиться в ведении всего общества, т. е. будут вестись в общественных интересах, по общественному плану и при участии всех членов общества.

⁵ Поппер К.Р. Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 1: Чары Платона / пер. с англ.; под ред. В.Н. Садовского. М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. С. 200–201.

⁶ Давно, еще в 1995 г., я опубликовал статью (см. Приложение к настоящему учебному пособию), где в концентрированном виде излагаются основные представления Ленина о будущем обществе и государстве. Хотя статья написана в несколько художественной форме, она содержит почти дословные цитаты из разных ленинских работ, в основном из книги «Государство и революция», законченной им в сентябре 1917 г.

Таким образом, этот *новый общественный строй уничтожит конкуренцию и поставит на ее место ассоциацию*. Так как ведение промышленности отдельными лицами имеет своим необходимым следствием частную собственность и так как конкуренция есть не что иное, как такой способ ведения промышленности, когда она управляется отдельными частными собственниками, то частная собственность неотделима от индивидуального ведения промышленности и от конкуренции. *Следовательно, частная собственность должна быть также ликвидирована, а ее место займет общее пользование всеми орудиями производства и распределение продуктов по общему соглашению, или так называемая общность имущества*. Уничтожение частной собственности даже является самым кратким и *наиболее обобщающим выражением* того преобразования всего общественного строя, которое стало необходимым вследствие развития промышленности. Поэтому коммунисты вполне правильно выдвигают главным своим требованием *уничтожение частной собственности*⁷.

Итак, вместо рыночной конкуренции – «ассоциация», вместо частной собственности – обобщественная («общенародная») собственность⁸.

Ленин развил эту идею в своей работе «Государство и революция», которая стала едва ли не главным доктринальным источником для конструирования государства советского типа. Воспринимая экономику главным образом как совокупность *крупных* производств, он полагал, что основа для этого уже есть в виде проведенной капитализмом концентрации производства. Поэтому «вполне возможно немедленно, с сегодня на завтра, перейти к тому, чтобы, свергнув капиталистов и чиновников, заменить их – в деле контроля за производством и распределением, в деле учета труда и продуктов – вооруженными рабочими, поголовно вооруженным народом»⁹. Ключевые понятия здесь «учет и контроль», осуществляемый «всеми трудящимися». Ленин смотрел на это как на вполне доступное любому человеку дело. Он писал:

«Учет и контроль – вот *главное* (курсив в источнике. – М. К.), что требуется для “налажения”, для правильного функционирования *первой фазы* коммунистического общества. *Все* граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. *Все* граждане становятся служащими и рабочими *одного* всенародного, государственного “синдиката”. Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну. Учет этого, контроль за этим *упрощен* капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответственных расписок»¹⁰. Впрочем, Ленин отделял «вопрос о контроле и учете» от вопроса «о научно образованном персонале инженеров, агрономов и пр.» и был убежден, что «эти господа работают сегодня, подчиняясь капиталистам, будут работать еще лучше завтра, подчиняясь вооруженным рабочим»¹¹.

Так у Ленина появляется образ «фабрики»:

⁷ Энгельс Ф. Принципы коммунизма // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 329–330.

⁸ Понтер К.Р. Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 1: Чары Платона / пер. с англ.; под ред. В.Н. Садовского. М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. С. 200–201.

⁹ Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 33. М.: Политиздат, 1969. С. 100–101.

¹⁰ Там же. С. 101.

¹¹ Там же.

«Когда *большинство* народа начнет производить самостоятельно и повсеместно такой учет, такой контроль за капиталистами (превращенными теперь в служащих) и за господами интеллигентами, сохранившими капиталистические замашки, тогда этот контроль станет действительно универсальным, всеобщим, всенародным, тогда от него нельзя будет никак уклониться, “некуда будет деться”. *Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы*»¹².

Здесь, думается, особенно ярко высвечивается суть советской философии, которая видит мир только как совокупность неких мегаблоков и совершенно пренебрегает разнообразием людей и вообще природой человека. Основная категория для марксизма – «масса», а не «индивид». В этом смысле советскую модель общества в целом можно назвать холистской.

Вообще термин *«холизм»* означает учение о целостности, о целом. Это учение рассматривает мир как высшую и всеохватывающую целостность¹³. Однако термином «холизм» и его производными стали обозначать мировоззрение, в котором часть (единица) имеет меньшую ценность, чем коллективное, которое, в свою очередь, направляется некоей силой, неким замыслом. По крайней мере, так понимал холизм Карл Поппер, приводя в качестве примера холистского мировоззрения взгляды Платона, чей «холизм тесно связан с племенным коллективизмом»¹⁴.

Россия, действительно, стала «единой фабрикой». Однако лишь в одном смысле: была создана полностью государственная плановая (бесконкурентная) и централизованная экономика, но ни о каком «всенародном учете и контроле» речь не шла. К тому же советская экономика никогда не работала «так, как работают часы», на что рассчитывал вождь¹⁵. Ни пропаганда, ни страх наказания, ни даже предпринятые впоследствии попытки материально стимулировать работников *не привели к наивысшей производительности труда*, благодаря которой, по мысли Ленина, социализм/коммунизм и должен был показать историческое преимущество перед капитализмом. Случилось ровно наоборот. При этом постоянными признаками социалистической экономики, среди прочего, стали дефицит продовольственных и промышленных товаров и их низкое качество.

В качестве микроскопической иллюстрации приведу отрывок из вполне рядового письма в журнал «Огонек» (1961 г.). Кстати, стоит предварительно заметить, что, поскольку в советское время практически не существовало форм правовой защиты, письма в редакции газет и журналов, как и обращения в партийные органы, были наиболее распространенной формой самозащиты людей и основным каналом для жалоб. В этом письме говорилось: «Два года мы *собирали деньги* на телевизор, долго *стояли в очереди*, наконец купили. Но он проработал *не больше часа* и все время выходит из строя. Он назван почему-то “Рекордом”. Уж не рекорд ли это брака? Если заводу сходит с рук такое плохое качество, куда смотрят коммунисты завода?»¹⁶. Обратите

¹² Там же.

¹³ См., например: Философский энциклопедический словарь. С. 756; Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1984. С. 1449; Краткая философская энциклопедия. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Энциклопедия», 1994. С. 503.

¹⁴ Поппер К.Р. Указ. соч. Т. 1. С. 116.

¹⁵ См.: Ленин В.И. Вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 36. М.: Политиздат, 1969. С. 156.

¹⁶ Тихомиров В. Азбука быта. М.: Терра, 2008. С. 26. (Библиотека «Огонек».)

внимание: о несопоставимом уровне зарплаты и цены на телевизор, а также о трудности самой покупки читатель говорит как о само собой разумеющемся и не заслуживающем даже удивления.

Почему же ленинский социализм не только не показал своего преимущества, но и, наоборот, обусловил низкую производительность труда? Назову основные причины.

Идея мировой пролетарской революции (не случайно на гербе СССР был изображен земной шар с серпом и молотом), сменившаяся затем идеей «распространения социализма», требовала *неимоверной милитаризации страны* (все основные научно-технические достижения, которые часто пытаются преподнести как показатель преимуществ социализма, оплачены не только кровавым террором, но и нищетой основной массы населения СССР. Нищетой, из которой страна начала выходить, пожалуй, только с середины 1960-х годов, хотя и тогда материальный уровень населения заметно не дотягивал до средневропейского).

Еще одной крупной причиной краха надежды на высшую производительность труда в полностью огосударственной экономике стал *существенный разрыв между трудом и распределением его результатов* (будь то распределение в натуральной форме, долгое время существовавшей в советском сельском хозяйстве, или в форме заработной платы). Этот фактор был тем более значим, что «в первой фазе коммунизма» предполагался принцип «от каждого – по способностям, каждому – по труду». Но как измерить это самое «по труду»? Посредством тотального контроля! Не случайно Ленин говорил об учете и контроле как об одной из главных черт нового строя. Один из его лозунгов так и гласил: «Социализм – это учет»¹⁷. Правда, Ленин полагал, что объектами такого контроля станут те, кто сопротивляется построению коммунизма:

«До тех пор, пока наступит “высшая” фаза коммунизма, социалисты требуют *строжайшего* контроля со стороны общества и *со стороны государства* над мерой труда и мерой потребления, но только контроль этот должен начаться с экспроприации капиталистов, с *контроля рабочих за капиталистами* и проводиться не государством чиновников, а государством *вооруженных рабочих*»¹⁸.

Однако, поскольку идея «государства вооруженных рабочих» сама была утопичной и потому осталась нереализованной, учетом, контролем и распределением занялся платный аппарат. И хотя советская пропаганда с первых и до последних лет старалась уверить людей, что всё в государстве – и власть, и собственность – принадлежит «человеку труда», реальность не только демонстрировала абсурдность замысла, но и приводила к обратному результату. На официальную пропаганду народ отвечал не просто частушками, анекдотами и неформальными лозунгами типа: «*Ты тут хозяин, а не гость, тащи отсюда каждый гвоздь!*». Люди и в действительности пытались «тащить всё, что плохо лежит». В свою очередь «государство рабочих и крестьян» реагировало на это так, как отреагировал бы не всякий «жестокый эксплуататор».

Достаточно напомнить, что во время массового голода в стране, вызванного не столько неурожаем, сколько первыми итогами коллективизации крестьянства, было издано Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г., которое, в частности, предусматривало: «Применять в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты – расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением

¹⁷ Ленин В.И. Речь на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов совместно с фронтовыми представителями 4 (17) ноября 1917 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 35. М.: Политиздат, 1974. С. 63.

¹⁸ Ленин В.И. Государство и революция. С. 97.

свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества». Этот акт в народе называли «*законом о колосках*». Дело в том, что к «хищению колхозного имущества» приравнивались даже попытки людей собирать колосья злаков, чтобы спастись от голодной смерти. Вот, к примеру, слова из сводки ОГПУ от 22 июля 1932 г. (подобные сводки и побудили власть принять названное постановление): «Краснодарский район: в колхозе “Пролетарская диктатура” станицы Н. Машыновской группа объездчиков ночью обнаружила в поле 5 женщин, срезавших колосья пшеницы. При попытке к задержанию женщины побежали в разные стороны. Охрана дважды выстрелила из дробовиков. Одна из бежавших колхозниц тяжело ранена (умерла через несколько часов), вторая единоличница получила легкое ранение. Белореченский район: на полях в колхозе станицы Октябрьской задержана толпа колхозников и единоличников... с мешками нарезанных колосьев, в количестве 40 человек...»¹⁹.

Когда режим, после смерти Сталина, несколько смягчился, воровство с рабочих мест стало тотальным. Появился даже советский неологизм – «*несун*» (удивительно, но словарь моего компьютера его не знает); с «несунами» власть тоже пыталась бороться, правда, уже не так кровавадно, как в 1930–1940-е годы.

Собственно, в том и состоит главная причина, обусловившая не только крах мечты о наивысшей производительности труда, но и вообще банкротство коммунистической идеи. Корень тоталитарного характера советской системы – **в ненависти к частной собственности**. Марксизм вообще и большевизм в особенности отрицают понятие «мое». Ленин не раз говорил о том, что крестьянство постоянно воспроизводит буржуазные отношения (относительно «своим» для него было лишь «беднейшее крестьянство», т. е. те, у кого «ни кола, ни двора»).

Ненависть к «моему» доходила до того, что было отменено даже право наследования. Декрет ВЦИК от 27 апреля 1918 г. начинался со слов: «Наследование как по закону, так и по духовному завещанию отменяется. После смерти владельца имущество, ему принадлежавшее (как движимое, так и недвижимое), становится государственным достоянием Российской Социалистической Советской Федеративной Республики»²⁰. Лишь с началом новой экономической политики – НЭПа (1921 г.) этот декрет был отменен, и большевики не покушались на институт наследования, хотя и ограничивали его.

Инстинкт собственности в земном мире неистребим, и думать иначе – значит строить дом на песке. В Новом Завете, в книге *Деяний святых апостолов*, содержится поучительнейший сюжет, на мой взгляд без лишних слов объясняющий невозможность массовой «переделки», «перевоспитания» и т. п. ни с помощью пропаганды, ни с помощью насилия. Всегда найдутся те, кто останется «при своем интересе», независимо от того, чем им это грозит.

После Вознесения Христова и первых проповедей апостолов в Израиле начали образовываться христианские общины. Причем первые христиане считали, что второе пришествие Христа и Страшный суд вот-вот наступят. Они отказывались от земных благ, дабы подготовиться к этому событию: «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее. <...> Не

¹⁹ Шостко И. Серп и молот – смерть и голод [Электронный ресурс] // Сайт ИД «Крестьянин». URL: <http://www.krestianin.ru/articles/6489.php> (дата обращения: 16.09.2012).

²⁰ Цит. по: Сайт «Libussr.ru». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_281.htm (дата обращения: 07.10.2017).

было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду» (Деян. 4:32; 34–35). Именно поэтому, кстати, первые христиане порой называются «первыми коммунистами», что совершенно не так, ибо идея коммунизма апеллирует главным образом к материальным ценностям. Но тут важно другое. Даже среди членов этих братских общин находились люди, не желавшие расстаться с привычными земными пристрастиями: *«Некоторый же муж, именем Анания, с женою своею Сапфиною, продав имение, утаил из цены, с ведома и жены своей, а некоторую часть принес и положил к ногам Апостолов. Но Петр сказал: Анания! Для чего ты допустил сатане вложить в сердце твое мысль солгать Духу Святому и утаить из цены земли? Чем ты владел, не твое ли было, и приобретенное продажею не в твоей ли власти находилось? Для чего ты положил это в сердце твоём? Ты солгал не человекам, а Богу. Услышав сии слова, Анания пал бездыханен; и великий страх объял всех, слышавших это»* (Деян. 5:1–5).

Смотрите: муж и жена уверовали в пришествие Христа и в близкий конец света. Они искренне страшатся Божьего суда, иначе зачем бы *добровольно* (!) продали имущество и пришли в общину? И все-таки, даже несмотря на эти сильнейшие побудительные мотивы, укрывают часть денег. Зачем? На всякий случай?.. Непостижимая тайна человеческой природы! Св. **Феофан Затворник** (Георгий Васильевич Говоров, 1815–1894) говорит о том, что даже «усопшие не вдруг свыкаются с новою жизнью. Даже у святых некое время держится земляность (привязанность к земному). Пока она выветрится, требуется время – большее или меньшее, судя по степени привязанности к земному <...>». Значит, если дьявол мог искусить искренне уверовавших Ананию и Сапфиру, то не в тысячу ли раз легче ему соблазнить материалистов?

Фома Аквинский (1225–1274) приводил такие доводы в пользу права частной собственности.

Во-первых, оно необходимо, потому что «каждый человек более бережно заботится о том, что принадлежит ему одному, а не всем вместе, а также потому что он будет лениться и оставлять другим делать то, что касается общих дел сообщества, как это происходит в тех случаях, когда много слуг. Во-вторых, потому что дела людей организуются более правильно, если каждый человек проявляет заботу о своих делах; если такой заботы нет, возникают недоразумения, вызванные тем, что каждый должен следить за какими-то предметами, не имея к ним интереса. В-третьих, поскольку безопасность государства обеспечивается в большей степени тогда, когда человек доволен тем, что он имеет... Споры возникают чаще там, где предметы собственности не разделены»²¹.

Большевики так и не смогли полностью истребить понятие «мое», ибо ложной оказалась сама базовая посылка – предположение, будто обычный человек, сочтя высшей справедливостью обобществление собственности, ощутит себя совладельцем «общенародной собственности», вдохновится этим и станет трудиться так, как если бы работал на себя. Поэтому в качестве компромисса было узаконено понятие «личная собственность». Например, в ст. 10 Конститу-

²¹ Цит. по: *Лафитский В.И.* Великие конституции (Истоки, факторы развития и роль в современном мире). М.: БИБЛИОГЛОБУС, 2017. С. 158–159.

ции СССР 1936 г. провозглашалось: «Право личной собственности граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления и удобства, равно как право наследования личной собственности граждан – охраняются законом».

Можно, конечно, отобрать у людей собственность. Нельзя только отучить от *желания* ее иметь. И дело тут вовсе не в стремлении к богатству, а в том, что возможность распоряжаться пусть даже малым дает человеку столь необходимое ему ощущение свободы, личной автономии. Под влиянием некоторых сильных мотивов человек способен отказаться от земных благ. Но только *по своей* воле.

«Советы – работающая корпорация»

Этот термин ввел в оборот **Карл Маркс** (1818–1883) в работе «Гражданская война во Франции», посвященной периоду Парижской коммуны²² (1871 г.).

«Коммуна, – писал Маркс, – должна была быть не парламентарной, а *работающей корпорацией*, в одно и то же время и *законодательствующей и исполняющей законы*»²³. Развивая этот тезис, В.И. Ленин писал: «Продажный и прогнивший парламентаризм буржуазного общества Коммуна заменяет учреждениями, в коих свобода суждения и обсуждения не вырождается в обман, ибо парламентарии должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями. Представительные учреждения остаются, но парламентаризма, как особой системы, *как разделения труда законодательного и исполнительного*, как привилегированного положения для депутатов, здесь нет»²⁴.

Но и с этим, «вторым китом» ленинской концепции также случился конфуз. Да, Советы из органов революционной борьбы превратились в органы власти. Да, формально именно они выражали «полноту власти народа», не случайно это слово даже дало название новому государству – Советское. Но очень быстро оказалось, что новый тип управления служит не «отмиранию государства», на смену которому согласно марксистско-ленинской доктрине должно прийти «полное общественное *самоуправление*», а, наоборот, отмиранию всяких гражданских навыков самоорганизации и самостоятельности.

Но почему марксизм считал, что государство – это зло и потому от него следует отказаться? Из-за совершенно извращенного его понимания – только как машины для подавления одного класса другим (подобное понимание государства как организованного насилия свойственно не только марксистам, но и анархистам). В.И. Ленин считал центральным местом в вопросе о государстве тезис Ф. Энгельса из его письма к известному немецкому социал-демократу А. Бебелю:

«Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще нуждается в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а *в интересах подавления своих противников*, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда

²² Слово «коммуна», более или менее соответствующее русскому слову «община», вошло в политический обиход во Франции еще в 1791 г., а Парижской коммуной с 1792 г. назывался парижский муниципалитет. Однако сегодня этим термином обычно обозначают период рабочего революционного самоуправления, продержавшегося чуть более двух месяцев во время Франко-прусской войны в 1871 г.

²³ Маркс К. Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального совета международного товарищества рабочих // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. М.: Госполитиздат, 1960. С. 342.

²⁴ Ленин В.И. Государство и революция. С. 47–48.

государство, как таковое, перестает существовать. Мы предложили бы поэтому поставить везде вместо слова государство слово: “община” (Gemeinwesen), прекрасное старое немецкое слово, соответствующее французскому слову “коммуна”»²⁵.

И когда антагонистических классов больше не будет, считает марксизм, не будет нужна и «машина подавления» вместе с «ее правом», которое в марксизме понимается как «воля господствующего класса, возведенная в закон».

А кто, спросите вы, будет тогда осуществлять хотя бы элементарные публичные функции, которые обычно выполняет государство? Вопрос закономерный, но и на него у Ленина был ответ. *Осуществлять «государственные функции» будет сам народ.* Это еще одна излюбленная мысль Ленина: «*поголовное участие всех в управлении*» (под «всеми», разумеется, понимались пролетариат и беднейшее крестьянство, а также сочувствующие идеям революции «представители интеллигенции»). Именно на убежденности в возможности «поголовного участия» Ленин и строил всю конструкцию социалистического управления как переходного этапа к коммунистическому самоуправлению.

Но понятно, что даже «поголовное участие в управлении» нужно было ввести в какие-то организационные формы. И основную форму Ленин увидел в революционных органах, стихийно созданных в период первой русской революции 1905–1907 гг. в некоторых промышленных центрах Центральной России и Урала, – *Советах* рабочих депутатов. Их-то он и решил противопоставить «буржуазному парламентаризму», т. е. принципу разделения властей.

Неужели Ленин не понимал, что этот принцип является одной из гарантий от деспотии? Возможно, понимал. Но, воспринимая всемирную историю лишь как историю классовой борьбы, он считал, что разделение властей сыграло свою роль в борьбе с абсолютизмом, а вот в социалистическом (переходном к коммунизму) государстве этот принцип «камуфлирует господство буржуазии»:

«Раз в несколько лет решать, какой член господствующего класса будет подавлять, раздавливать народ в парламенте, – вот в чем настоящая суть буржуазного парламентаризма, не только в парламентарно-конституционных монархиях, но и в самых демократических республиках (намек на США. – М. К.). <...> Выход из парламентаризма, конечно, не в уничтожении представительных учреждений и выборности, а в превращении представительных учреждений из *говорилен*, в “*работающие*” учреждения»²⁶.

Следовательно, рассуждал Ленин, зачем нужны всякие «буржуазные штучки» вроде разделения властей, коль скоро вся власть окажется в руках трудового народа, а народ не может быть тираном сам для себя.

Ленин разработал довольно детальный план, согласно которому Советы не просто соединяли бы в себе разные функции, но и строились на совершенно иных принципах, нежели органы законодательной и исполнительной ветвей власти в демократиях. Эти принципы нашли отражение уже в первой «пролетарской конституции» – Конституции РСФСР 1918 г. (напомню, что СССР образовался в 1922 г., а первая союзная Конституция была принята в 1924 г.). Вот они:

1. *Постоянная ротация депутатов.* Другими словами, отсутствие сроков полномочий Советов и совсем короткие сроки полномочий депутатов (например, в местных Советах – 3 месяца).

²⁵ Энгельс Ф. Письмо А. Бебелю // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 5.

²⁶ Ленин В.И. Государство и революция. С. 46.

2. *Императивный мандат депутата*. Наказы, т. е. поручения избирателей, даваемые депутатам, и свобода отзыва избирателями своих депутатов (Ленин подчеркивал, что отзыв должен быть «непременно легким»).

3. *Непрямое избирательное право*. Съезды Советов, начиная с губернских и кончая высшим органом – Всероссийским съездом Советов, формировались не непосредственно населением, а нижестоящими органами. Например, Всероссийский съезд Советов составлялся из представителей городских Советов и представителей губернских съездов Советов.

4. *Неравное избирательное право*. Промышленные рабочие в те годы составляли меньшинство населения (Россия была еще крестьянской страной). Поэтому, дабы обеспечить численное превосходство пролетариата («наиболее сознательной», по мысли большевиков, части трудящихся) в Советах, устанавливались разные нормы представительства от городского и сельского населения при формировании съездов Советов. В состав того же Всероссийского съезда Советов представители городских Советов входили из расчета 1 депутат на 25 тыс. избирателей, а представители губернских съездов Советов – из расчета 1 депутат на 125 тыс. жителей.

5. *Невсеобщее избирательное право* («ценз пролетарской диктатуры»). Поскольку на повестке дня стояла задача постепенной ликвидации буржуазии как класса, избирательных прав официально лишались не только «лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой», а также «лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором», что соответствует обычным ограничениям, но и:

- «а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли;
- б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.;
- в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники;
- г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов;
- д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома» (ст. 65).

6. *Сочетание территориального принципа образования избирательных участков с производственным*. Речь шла о том, что депутаты в городах избирались непосредственно трудовыми коллективами, т. е. по предприятиям, а не избирателями по месту жительства.

7. *Иерархическая система Советов*. Советы изначально образовали «вертикаль», основанную на принципе «демократического централизма», который в том или ином виде закреплялся всеми советскими конституциями. В Конституции РСФСР 1918 г. устанавливалось, что все Советы «имеют предметом своей деятельности: *проведение в жизнь* всех постановлений соответствующих высших органов Советской власти» (ст. 61) и что вышестоящие Советы и даже их исполнительные комитеты имеют «право отмены решений действующих в их районе Советов, с извещением об этом в важнейших случаях Центральной Советской власти» (ст. 62).

8. *Иерархия внутри Советов*. Несмотря на принцип «работающей корпорации», внутри Советов сразу же были выделены *постоянно действующие органы*. Например, ст. 31 Конституции 1918 г. гласила: «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов является *высшим законодательным, распорядительным и контролирующим* органом Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». Кроме того, существовали и исполнительные органы Советов – от исполнительных комитетов до Совета народных комиссаров на общегосударственном уровне.

Не буду сейчас говорить о том, что реальная власть в государстве моментально перетекла к партийным органам (об этом чуть ниже). Главное, что доктрина «полугосударства» («отми-рающего государства») оказалась губительной для перспектив гражданской самоорганизации

людей и вообще для права в России. Отказ от системы разделения властей означал пренебрежение правовыми ограничителями властных институтов: раз власть «народная», кто вправе ограничить «его величество народ»? Но сама по себе это ложная и опасная идея, ибо право (а оно не тождественно совокупности законов и подзаконных актов) должно стоять и *над* сувереном – народом. Большевики тем самым не только ни на йоту не приблизились к лелеемой ими идее «отмирания государства», но, наоборот, создали условия для отстранения людей от всякого гражданского участия в управлении.

Как же так? Ведь Ленин рассматривал свою систему именно как противоположность системе бюрократической. Он видел гарантии от бюрократизации в выборности и сменяемости Советов, в умеренной зарплате чиновников (не выше зарплаты квалифицированного рабочего) и, наконец, в массовом участии трудящихся в управлении. Но в том и дело, что ни одна из этих «гарантий» не стала преградой для набиравшей силы номенклатуры. Да и не могла стать. Все по той же причине: эти благие пожелания совершенно не учитывали психологию обычного человека.

Впрочем, не только в этом дело. Ленин не отказался от платного государственного аппарата вообще, а только «поместил» его в своей доктрине в совершенно иные условия: аппарат должен существовать в структуре довольно аморфных представительных органов, работающих скорее как общественные организации. Такие условия просто не могли не привести к тому, что этот самый аппарат – исполнительные комитеты Советов (*исполкомы*) со всеми их управлениями, отделами и подотделами – мгновенно понял, «кто в доме хозяин». Примечательно, что уже в 1922 г. известный государствовед-марксист **М.А. Рейснер** (1868–1928) сетовал, что «Совдепия превращается в “Исполкомию”», и ставил риторический вопрос, «не находятся ли исполкомы перед слишком большим соблазном известного освобождения от докучливого надзора и контроля Советов и подавления последних в пользу расширения своей власти?»²⁷.

После принятия Конституции СССР 1936 г. организационная модель советской власти отошла от некоторых деталей ленинской доктрины. Были ликвидированы съезды Советов, а выборы во все их звенья, вплоть до Верховного Совета, стали прямыми; установлены сроки их полномочий; введено равное и всеобщее избирательное право (хотя по-прежнему по судебному решению некоторые граждане – так называемые *лишенцы* – могли быть лишены избирательных прав); ликвидирован производственный принцип при проведении выборов. Та же модель была перенесена и в Конституцию СССР 1977 г. (Только Советы депутатов трудящихся стали именоваться Советами народных депутатов. Практического смысла это не несло, но должно было выразить некое «развитие социализма»: в отличие от ст. 3 Конституции 1936 г., гласившей, что «вся власть в СССР принадлежит *трудящимся* города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся», ст. 2 Конституции 1977 г. закрепляла, что «вся власть в СССР принадлежит *народу*. Народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов, составляющие политическую основу СССР».) Однако это никоим образом не влияло и не могло повлиять на суть советской системы.

Во-первых, коммунистический режим к середине 1930-х годов перестал опасаться не только «буржуазного», но и «мелкобуржуазного влияния» в Советах (после тотальной коллективизации собственно крестьян в сталинском СССР почти не осталось). Недаром официальная идеология провозгласила, что социализм в стране «*в основном*» построен. Во-вторых, всем, в том числе депутатам, давно стало ясно, что «собственно Советы» (т. е. без исполкомов) абсолютно ничего не решают. Об этом бессилии можно судить хотя бы по крайне редкому созыву сессий Советов. Например, устанавливалось, что сессии «высшего органа государственной власти» – Верховного Совета СССР созываются два раза в год, при этом длились они два, редко три дня (!). Чуть чаще созывались сессии местных Советов (в зависимости от уровня от четы-

²⁷ Рейснер М.А. Централизация, разделение функций и Советы // Власть Советов. 1922. № 10. С. 15.

рех до шести раз в год), но длились, как правило, один день. Наконец, в-третьих, к этому времени сами исполкомы и их отраслевые и функциональные органы окончательно перешли под полный контроль соответствующих партийных комитетов.

«Партия – авангард трудящихся»

Это, едва ли не самое лукавое, условие новой государственности выполнить было легче всего, опять же по причине той самой человеческой психологии. Но зачем оно понадобилось Ленину в его концепции? Все логично (в марксистской, разумеется, логике).

Хотя центральной идеей в концепции советского государства было «поголовное участие трудящихся в управлении», Ленин понимал, что этого трудно добиться в «темном мужицком царстве»²⁸, как называл тогдашнюю Россию **Н.А. Бердяев** (1874–1948). И уж тем более, что в скором времени вряд ли появится «человек с коммунистическим сознанием».

Ленин считал, что критики коммунистической теории плохо ее знают, поскольку о том, что «высшая фаза развития коммунизма наступит (вскоре после революции. – М. К.), ни одному социалисту в голову не приходило, а предвидение великих социалистов, что она наступит, предполагает и не теперешнюю производительность труда и не теперешнего обывателя, способного “зря” – вроде как бурсаки у Помяловского²⁹ – портить склады общественного богатства и требовать невозможного»³⁰.

Так вот, понимая это, Ленин считал, что для решения таких задач требуется некий, как он говорил, «авангард трудящихся» – коммунистическая партия, которая должна включать наиболее «сознательных» рабочих, крестьян и служащих. И посмотрите, какая стройная конструкция ему рисовалась:

«Организационной задачей и будет задача выделения из народных масс руководителей и организаторов. Эта громадная, гигантская работа стоит теперь на очереди дня. Ее нельзя было бы и думать выполнить, если бы не было Советской власти, отцеживающего аппарата, который может выдвигать людей»³¹. «Советская власть есть новый тип государства без бюрократии, без полиции, без постоянной армии, с заменой буржуазного демократизма новой демократией, – *демократией, которая выдвигает авангард трудящихся масс, делая из них и законодателя, и исполнителя, и военную охрану, и создает аппарат, который может перевоспитать массы*»³².

Однако Ленин не увидел в руководящей роли партии «клетку раковой опухоли» (или не захотел увидеть, ибо тогда разрушилась бы вся доктрина). Идея «авангарда» фактически обосновала существование некоей «жреческой касты», которая обладает монопольным правом на истину и которой, следовательно, никто и ничто не смеет противостоять. Впрочем, неверно сравнивать коммунистическую партию в советской модели с кастой. В отличие от последней,

²⁸ Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: ИМА-ПРЕСС, 1990. С. 24.

²⁹ Русский писатель **Н.Г. Помяловский** (1835–1863) наиболее известен как автор повести «Очерки бурсы», хотя у него есть и другие неплохие произведения, например «Мещанское счастье», «Молотов». Бурса – училище, содержащееся на казенный счет, дававшее, по сути, начальное образование и готовившее для церкви пономарей, дьячков, писцов. В основном туда отдавали своих детей крестьяне и мещане, в том числе чтобы спасти от солдатчины.

³⁰ Ленин В.И. Государство и революция. С. 97.

³¹ Ленин В.И. Доклад о деятельности Совета народных комиссаров 11 (24) января // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 35. М.: Политиздат, 1974. С. 276.

³² Ленин В.И. Доклад о пересмотре программы и изменении названия партии 8 марта // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 36. М.: Политиздат, 1969. С. 51.

«партия»³³ фактически *срослась с государством*, точнее, не она сама, а ее органы, начиная от райкомов и кончая Политбюро ЦК (РКП(б), ВКП(б)) КПСС.

В 1992 г. в Конституционном Суде РФ проходил процесс, который в публицистике получил название *«дело о КПСС»*. И хотя решение по этому делу представляется половинчатым, в нем есть весьма красноречивые слова. Вот отрывки из раздела III мотивировочной части Постановления:

«В стране в течение длительного времени господствовал режим неограниченной, опирающейся на насилие власти узкой группы коммунистических функционеров, объединенных в политбюро ЦК КПСС во главе с генеральным секретарем ЦК КПСС.

Имеющиеся в деле материалы свидетельствуют о том, что руководящие органы и высшие должностные лица КПСС действовали в подавляющем большинстве случаев втайне от рядовых членов КПСС, а нередко – и от ответственных функционеров партии. На нижестоящих уровнях управления вплоть до района *реальная власть принадлежала первым секретарям соответствующих партийных комитетов*. Лишь на уровне первичных организаций КПСС имела черты общественного объединения, хотя производственный принцип формирования этих организаций ставил членов КПСС в зависимость от их руководства, тесно связанного с администрацией. Материалами дела, в том числе показаниями свидетелей, подтверждается, что руководящие структуры КПСС были инициаторами, а структуры на местах – зачастую проводниками политики репрессий в отношении миллионов советских людей, в том числе в отношении депортированных народов. Так продолжалось десятилетиями. <...>

До принятия закона СССР об органах госбезопасности продолжало действовать Положение о Комитете госбезопасности при Совете Министров СССР и его органах на местах от 9 января 1959 года, утвержденное президиумом ЦК КПСС. В нем подчеркивалось, что органы КГБ являются политическими, осуществляют мероприятия ЦК КПСС и работают под его непосредственным руководством, руководящие работники КГБ входят в партноменклатуру, приказы председателя КГБ издаются с одобрения ЦК КПСС. <...>

Рядовые члены КПСС (КП РСФСР) одобряли на своих собраниях политические акции центральных и иных комитетов и их аппарата. Лишь в самое последнее время начала появляться критика с их стороны, однако решающего влияния рядовые члены КПСС (КП РСФСР) в своей организации добиться так и не смогли.

Руководящие структуры КПСС и КП РСФСР *присвоили государственно-властные полномочия и активно их реализовывали, препятствуя нормальной деятельности конституционных органов власти*. Это послужило юридическим основанием для ликвидации данных структур указом высшего должностного лица Российской Федерации. Действия Президента были продиктованы объективной необходимостью исключить возврат к прежнему положению, ликвидировать структуры, повседневная практика которых была

³³ Кавычки вокруг слова «партия» означают его условный характер. Оно буквально означает *часть*. Коммунистическая же партия после Октября 1917 г., быстро расправившись даже со своими союзниками по революционной борьбе – левыми эсерами и меньшевиками, стала уже не частью, а *целью*.

основана на том, что КПСС занимала в государственном механизме положение, не согласующееся с основами конституционного строя»³⁴.

Здесь хочу только обратить внимание на то, что слова о присвоении государственно-властных полномочий не вполне верно отражают реальность. Термин «присвоение» предполагает некую незаконность, можно сказать, узурпацию. Но в нашем случае этого не было. Аппарат партии действовал в полном соответствии и с конституциями (разных периодов), и с официальной доктриной.

Выдвигая идею «авангарда», Ленин, как всякий утопист, не желал учитывать природу обычного («массового») человека, в том числе распространенную подверженность искушению возвыситься над остальными. Вновь стоит обратиться к вечной книге – Библии, где весьма ярко описаны как момент человеческой слабости, так и отношение Христа к желанию некоторых из Его учеников возвыситься:

«Тогда приступила к Нему мать сыновей Зеведеевых с сыновьями своими, кланяясь и чего-то прося у Него. Он сказал ей: чего ты хочешь? Она говорит Ему: скажи, чтобы сии два сына мои сели у Тебя один по правую сторону, а другой по левую в Царстве Твоем. Иисус сказал в ответ: не знаете, чего просите. Можете ли пить чашу, которую Я буду пить, или креститься крещением, которым Я крещусь? Они говорят Ему: можем. И говорит им: чашу Мою будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься, но дать сесть у Меня по правую сторону и по левую – не от Меня зависит, но кому угодно Отцем Моим. Услышав сие, прочие десять учеников вознегодовали на двух братьев. Иисус же, подзвав их, сказал: вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мф. 20:20–28).

Ленин же, обосновывая «руководящую и направляющую роль» коммунистической партии, звал именно к *возвышению над другими*. Приведу одну из наиболее известных его цитат:

«Признание главенствующей роли партии должно быть у нас в виду, и мы не можем упускать этого при обсуждении вопроса о деятельности, об организационном строительстве. <...> Вся юридическая и фактическая конституция Советской республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу, чтобы связанные с пролетариатом коммунистические элементы могли пропитать этот пролетариат своим духом, подчинить его себе, освободить его от того буржуазного обмана, который мы так долго стараемся изжить»³⁵.

Понятно, что при таком положении «партия» не только становилась весьма привлекательной для карьеристов (хотя в ней было и немало людей, искренне убежденных в достижи-

³⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 1992 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности Указов Президента Российской Федерации от 23 августа 1991 г. № 79 «О приостановлении деятельности коммунистической партии РСФСР», от 25 августа 1991 г. № 90 «Об имуществе КПСС и коммунистической партии РСФСР» и от 6 ноября 1991 г. № 169 «О деятельности КПСС и КП РСФСР», а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР» // СЗ РФ. 1993. № 11. Ст. 400.

³⁵ Ленин В.И. Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 41. М.: Политиздат, 1981. С. 402–403.

мости коммунистических идеалов), но и превращалась, как отмечал Ленин уже в 1921 г., в «узкий круг правящих»³⁶.

Именно тогда и родилась печально знаменитая *советская номенклатура*. Известный политолог **М.С. Восленский** (1920–1997), посвятивший исследованию этого феномена свой знаменитый труд, опубликованный в СССР только во времена перестройки, так писал о связи карьеры с членством в «партии»:

«Речь идет не обязательно о головокружительной карьере. Просто, *если вы хотите быть уверенным, что начальство на работе не будет к вам придираться, что вы нормально будете продвигаться по службе и будете относиться к числу поощряемых, а не преследуемых, вступайте в партию!* Что же касается карьеры в обычном понимании этого слова, то существовало ясное правило: *партбилет – не гарантия карьеры, но его отсутствие было гарантией того, что вы никакой карьеры не сделаете.* Исключения лишь подтверждали это правило. Впрочем, встречались они только в творческой области: было некоторое количество беспартийных академиков и видных деятелей искусства. Беспартийным оставался, например, знаменитый авиаконструктор академик А.Н. Туполев – своенравный старик, отсидевший свое в сталинской тюрьме – “шарашке”. Беспартийным был Илья Эренбург. Бывали случаи, когда по тактическим соображениям предпочитали не делать партийным кого-либо из известных лиц: вполне благонамеренный поэт Н.С. Тихонов был оставлен беспартийным, так как бессменно занимал пост председателя Советского комитета защиты мира, и, поскольку этот придаток Международного отдела ЦК КПСС объявлен беспартийной организацией, руководство сочло лучшим не давать Н.С. Тихонову партбилета. Анекдотическим курьезом было то, что разгромивший биологическую науку в СССР мракобес Лысенко был беспартийным, хотя по духу своему он вполне подходил даже в члены сталинского ЦК.

Но если в творческой области исключения еще бывали, то одна закономерность фактически не знала исключений: *беспартийный не мог занимать даже скромный административный пост*; если же по каким-либо соображениям его формально назначали на такой пост (что тоже мыслимо только в области науки и культуры), никто этого всерьез не принимал, и все дела вел специально приставленный партиец. Так, физик с мировым именем, нобелевский лауреат академик П.Л. Капица занимал пост директора Института физических проблем Академии наук СССР, но все административные дела вел его партийный заместитель. В Академии наук СССР вообще была до начала 50-х годов традиция, что президентом был беспартийный, но всегда назначался из числа членов партии фактический руководитель академии: так, при В.Л. Комарове таким был первый вице-президент О.Ю. Шмидт, полярник и Герой Советского Союза, а при С.И. Вавилове – главный ученый секретарь президиума, а затем первый вице-президент А.В. Топчиев, отличавшийся решительностью в действиях и невежеством в науке.

То, что руководитель любого советского учреждения – непременно член партии, прочно вошло в установившийся порядок: *в каждом парткоме есть гарантированное руководителю место*, и показателем влияния руководителя

³⁶ См.: Ленин В.И. Наказ от ЦО (Совета труда и обороны) местным советским учреждениям. Проект // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 43. М.: Политиздат, 1970. С. 280.

считается количество голосов, поданных за него на выборах в партком. *Итак, вступление в КПСС – вопрос не убеждений, а продвижения по работе для большинства и карьеры – для меньшинства*³⁷.

Ленин, разумеется, видел, во что превращается его детище. Об этом свидетельствует масса его писем, телеграмм, речей и статей начала 1920-х годов, по которым мы можем судить не только о вопиющих фактах злоупотреблений со стороны партийных функционеров и советских чиновников, но и, главное, о том, что «партия», лишенная – в полном соответствии с теоретическим фундаментом – даже намек на политическую конкуренцию, становилась все более закрытой и иерархической.

Ленин как вождь позволял себе беспощадные формулировки в отношении соратников. Вот одно из наиболее известных его выражений в письме в Политбюро ЦК РКП (б): «Верх позора и безобразия: партия у власти защищает “своих” мерзавцев!!!»³⁸. Однако трудно сказать, понял ли он в конце жизни, что *закрытая корпорация всегда «защищает своих мерзавцев»*, или считал это «функциональным отклонением», «болезнью роста», временным явлением. Но даже если он уже и не верил в жизнеспособность своей конструкции, признать в этом не мог, ибо тогда пришлось бы признать свое теоретическое, да и политическое фиаско. И уж точно не собирались подвергать ревизии «устой системы» его последователи, понимая, что тогда разрушилась бы идеологическая база их абсолютной власти.

* * *

На мой взгляд, одно из обстоятельств, приводящих человечество к социальным катастрофам, состоит в том, что, оценивая новую идею с позиции «что хорошего она сулит», люди не задаются вопросом, «что это *отнимет*» или «какую *опасность* несет». Собственно, ничего нового в этом подходе нет. В экономике давно принято просчитывать риски. А вот в социальной инженерии такой принцип практически не применяется.

Ликвидация всяких правовых ограничителей власти привела к соответствующему вполне ожидаемому результату: ничем и никем не сдерживаемые слабости, соблазны и искушения обусловили сначала формирование того самого «узкого круга правящих», а затем естественное воспроизведение правящими тиранической модели власти. Но самое опасное состоит даже не в этом, а в том, что в обществе искажаются представления о добре и зле, о правильном, или хотя бы приемлемом, и недопустимом.

Известный французский философ **Андре Глюксман** (1937–2015) в одном интервью высказал точную мысль: «Отчаяние и то, что я называю нигилизмом, то есть отсутствие каких-либо нравственных ориентиров, *распространились от исполнителей советского террора на саму народную массу, заразили и пронизали ее*, как переполненный сосуд, вода из которого заливает весь пол. Это не значит, что население в массе своей стало морально готовым к террору, готовым сорваться с цепи, но оно *утеряло понимание того, что является злом*. (Замечу, что я не говорю тут об идее добра, которая весьма относительна в современных обществах вообще.) Но для того, чтобы управлять обществом, будь то сверху или снизу, необходимо, чтобы *в обществе было выработано определенное понимание того, что является злом*. В обществе должно существовать согласие относительно того, чего

³⁷ Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 37.

³⁸ Ленин В.И. Письмо в Политбюро ЦК РКП(б) от 18 марта 1922 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. М.: Политиздат, 1970. С. 53.

обязательно следует избегать. Однако после семидесяти лет коммунизма оказалось, что зло – это всё и ничего. И элиты, и простые люди затрудняются сказать, что является самым страшным, худшим»³⁹.

³⁹ Уроки Солженицына (Интервью с французским философом Андре Глюксманом) // Свободная мысль – XXI. 2004. № 4. С. 180–181.

Мессианство vs. эффективность

Даже лучшие намерения создать на земле рай могут превратить ее только в ад – в ад, который человек – и только он – может создать своим собратьям.

Карл Поппер *«Открытое общество и его враги»*

Как показал опыт СССР и всех других стран, добровольно или вынужденно следовавших ленинской концепции социализма, «освобожденный труд» на поверку оказался трудом рабским, т. е. наименее производительным. И все же этот строй мог себя сохранять довольно долго. Что же привело к его краху?

Окончательной целью марксистского учения, напомним, является построение коммунизма во всем мире. Большевики вначале полагали, что построить социализм возможно только в условиях свершения пролетарских революций в развитых странах Европы и США. Однако вскоре стало ясно, что подобным надеждам сбыться не суждено, во всяком случае в обозримые сроки. И тогда в доктрину была внесена корректива – возможность «победы социализма в одной, отдельно взятой стране». Тем не менее построение коммунизма по-прежнему считалось реальным только в мировом масштабе, что, естественно, предполагало приход к власти (мирным или вооруженным путем) коммунистических партий, прежде всего в развитых капиталистических странах. Собственно, это и предопределило всю политическую линию советского руководства на долгие годы, особенно в сталинский период.

Несложно догадаться, что фактически речь шла о попытке реализации *мессианской идеи – преобразования всего мира по подобию СССР*. Естественно, сам Советский Союз мыслился как лидер будущего мироустройства, а советский вождь автоматически становился единственным мировым лидером (эта модель была опробована в рамках Коммунистического Интернационала – Коминтерна). Так утопия «всеобщего счастья» редуцировалась до банальной идеи мирового правителя.

Банальной – поскольку отнюдь не Сталин был здесь первым. Не он и последний. Последним, но уже реальным властелином мира на недолгий срок станет апокалиптический зверь – антихрист. Замечательный русский философ **В.С. Соловьев** (1853–1900) в художественной форме попытался даже предположить, как он получит всемирную власть: «Грядущий человек был выбран почти единогласно в пожизненные президенты европейских соединенных штатов; когда же он явился на трибуне во всем блеске своей сверхчеловеческой юной красоты и силы и с вдохновенным красноречием изложил свою универсальную программу, увлеченное и очарованное собрание в порыве энтузиазма без голосования решило воздать ему высшую почесть избранием в римские императоры»⁴⁰.

Трудно сказать, формируется ли у человека цель стать мировым правителем заранее, или она возникает у него по мере укрепления режима неограниченной власти. В нашем случае важно другое: идея мирового господства под прикрытием цели глобального переустройства по определенному образцу неизбежно превращает страну в «военный лагерь». А милитаризация подчиняет себе все иные функции подобного государства. Когда сегодня кто-то называет **Ста-**

⁴⁰ Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об антихристе и с приложениями // Соловьев В.С. Избранное / сост., автор вступ. ст. и коммент. С.Б. Рощинский. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 739.

лина «эффективным менеджером», это не только кощунственно, но и неверно по существу. Он не был ни менеджером, ни эффективным.

Термин «менеджер» даже с большой долей условности неприменим к Сталину. Он *не был наемным управляющим* даже формально, ибо народ-суверен *не «нанимал»* его посредством свободных выборов. Не был им и фактически, так как играл роль *вождя* и позиционировал себя именно в таком качестве («учителя и отца народов»). Он не выполнял волю принципала, если говорить в терминах принципал-агентской модели, – напротив, народ следовал его воле, и при этом никто, не рискуя быть раздавленным репрессивной машиной, не смел допускать даже тени сомнения в правильности целей и средств государственной политики.

Что же касается эффективности, то все дело в том, *в каких координатах* мы ее определяем. Конечно, государственной машине, возглавляемой Сталиным, удалось за сравнительно короткое время создать из страны военный лагерь (хотя одновременно она превратилась в некотором смысле и в «лагерь концентрационный»). Однако это было не следствием искусного управления. Искусство Сталин проявил в другом – в умении превратить свою, поначалу организационно-техническую, должность генерального секретаря ЦК партии в центральную и использовать ее для того, чтобы не просто стать всемогущим диктатором, но и обеспечить себе квазирелигиозное поклонение.

Особенностью сталинской модели мобилизационной экономики было сочетание *мотива страха*, поддерживаемого репрессиями и тотальным контролем, с *мотивом романтики*, действовавшим прежде всего в молодежной среде. К тому же литература, кинематограф, театр, живопись, песни – все служило поддержанию убежденности в том, что создается новое общество и что временные трудности завтра обернутся счастливой жизнью. Таким образом, речь не идет об эффективности управления. Любой древний восточный деспот добивался сопоставимых результатов.

Напомню, что один из любимых аргументов поклонников сталинизма гласит: «Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой» (фразу приписывают У. Черчиллю, но авторство точно не установлено). Не стану долго говорить о том, что Сталин «принимал страну» отнюдь не с «сохой». Добольшевистская Россия, конечно, была еще крестьянской страной. Но с конца XIX в. в ней бурно развивалась промышленность, росла и грамотность населения. Так что к 1930-м годам, а тем более к середине XX в. страна, без сомнения, стала бы ведущей в мире как по экономическим, так и по социальным показателям. Вот только один пример – строительство железных дорог.

В.Н. Козлов и Д.Б. Орешкин, проанализировав статистические данные, пишут, что длина железных дорог в 1913 г. (в советское время за точку сопоставления брался именно этот – предвоенный – год) составляла 58,5 тыс. км, а в 1956 г. – 120,7 тыс. км, т. е. увеличилась более чем вдвое. Однако с 1865 по 1890 г., т. е. за 25 лет, железнодорожная сеть России выросла *в семь (!) раз* – больше, чем в Англии (ее показатель за тот же период – шесть раз), хотя и несколько меньше, чем в Германии. «Но, в любом случае, царская Россия очевидным образом входила в число мировых лидеров по темпам развития транспортной инфраструктуры»⁴¹. «С 1893 г. Россия вводит в среднем уже по 2,5 тыс. км путей в год: на рубеже веков среднегодовой прирост приближается к 2 тыс. км и даже более. Параллельно растут объем грузоперевозок, показатели торговли, промышленное производство, урбанизация и т. д.»⁴². «Среднегодовой прирост сети с 1913 по 1956 г. – 1,4 тыс. км. То есть благодаря революции, коллективизации, индустриализации, мобилизации,

⁴¹ Козлов В.Н., Орешкин Д.Б. Статистика и этика // Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 89.

⁴² Там же.

идеологизации, концентрации и централизации “желдортранспорт” под личным контролем вождя в XX в. успешно съехал на темпы времен отмены крепостного права (1865–1875 гг.)»⁴³. А далее авторы объясняют, почему выбрали пример с железными дорогами: «В других случаях советская статистика маскирует провалы чуть-чуть искуснее. Либо подменяя понятия, когда, например, вместо цифр по урожаю доказательством успеха служат цифры по увеличению распахки земель в колхозах и сокращению доли кулацких хозяйств. Либо показывая прирост в процентах, чтобы нельзя было сравнить натуральные объемы. Либо измеряя прирост в рублях. Советский рубль с точки зрения экономического эталона столь же эффективен, как каучуковый эталон метра. Рублей сколько велел Госплан, столько и напечатали. Поэтому прирост производства, выраженный в них, может легко достигать и 20, и 30, и 50,5 при неизменном или даже убывающем натуральном объеме. Советская статистика быстро усвоила правила игры: ее задачей стало не отражение действительности, а доказательство преимуществ социалистического строя. Если некий факт таких преимуществ не доказывает, его просто нет. Или, как апокрифически сформулировал видный советский экономист, академик С. Струмилин, “лучше стоять за высокие темпы развития, чем сидеть за низкие”»⁴⁴.

Примечательно, однако, другое: почему-то именно «атомная бомба» фигурирует как главное достижение сталинского режима. Понятно, что за словами о бомбе подразумевается передовая наука и соответствующий уровень промышленности. Но нет сомнений, что уровень научных и технических достижений был бы на порядок выше, если бы репрессивная власть не вынуждала одних ученых и инженеров к эмиграции (хрестоматийными стали фамилии И.И. Сикорского и В.К. Зворыкина, я уж не говорю о «философском пароходе»), не уничтожала бы других, не помещала бы третьих в «шарашки». (Об одной из «шарашек» говорится в романе А.И. Солженицына «В круге первом». Там тоже были достижения, но, повторю, неужели в условиях свободного творчества они были бы ниже?)

Так вот, показательно, что «достижения Сталина» редуцированы именно до средства массового уничтожения. Государственная цель, действительно, состояла не в расцвете общества, а в противостоянии «империалистическому лагерю» – этой бездонной топке, куда бросались судьбы людей, природные богатства, культурные ценности и проч. и проч. За символом «атомной бомбы» скрывается совершенно технократический взгляд на смысл существования общества. Да и само понятие «передовая наука» как один из индикаторов развития не может ограничиваться научными достижениями, предназначенными только для военного или связанного с ним производства. Современная наука и вообще современное общество немыслимы без социальных наук и наук о человеке. Между тем эти научные сферы, как, впрочем, и некоторые области естественных наук, находились под жестким идеологическим контролем, и некоторые научные направления либо напрямую запрещались (например, социология, психология, генетика, кибернетика), либо существенно ограничивались, а их представители подвергались разного рода репрессиям.

Наконец, главное: *социальная эффективность* принципиально отличается от эффективности, условно говоря, *утилитарной*. Так, изобретенная в период Великой французской революции гильотина, конечно, стала гораздо более эффективным орудием казни, чем традиционный топор палача. Но были ли для французского общества «эффективны» массовые казни «врагов народа» – сначала аристократов, а затем (в рамках внутривидовой борьбы) и мно-

⁴³ Там же. С. 90.

⁴⁴ Там же. С. 91.

гих революционеров? Социальная эффективность имеет иные оси координат. И среди них – *способность достигнутого результата стать основой для дальнейшего развития общества*.

Мобилизационная модель, в ходе которой в СССР действительно была создана (а во многом воссоздана после Гражданской войны) тяжелая промышленность, могла стать основой для улучшения жизни людей и последующего динамичного развития экономики. Но не стала. Нельзя отрицать, что к 1940 г. обозначилось некоторое повышение материального уровня жизни населения. Однако в целом достигнутые результаты предназначались не для человека, а для все той же мессианской цели. Скажут: СССР готовился к войне. Но ведь другое тоталитарное государство – Германия – еще более целенаправленно к ней готовилось, а средний уровень жизни населения был там совершенно иным.

У меня в голове давно сложился образ советской действительности – «космический корабль, проплывающий над бараками». Примерно о том же пишет мой коллега по Высшей школе экономики, замечательный исследователь русского языка **Г.Ч. Гусейнов**: «Сталинскими у нас называют добротные дома высокого класса, которые строили, стало быть, при великом вожде и отце всех народов, а вот хрущобами называют бедное железобетонное строительство эпохи Хрущева, которого изображают эдаким жалким ниспровергателем Сталина. <...> на самом-то деле сталинская архитектура – это не те несколько сотен роскошных многоквартирных домов для элиты, в которых горит “московских окон негасимый свет”, а, совсем наоборот, десятки тысяч бараков – не только лагерных, а и тех, других, в которых и до сих пор живут еще по городам и весям бывшего СССР сотни тысяч людей»⁴⁵.

По формальным параметрам сталинский режим в целом соответствовал распространенному в институциональной экономике понятию «стационарный (оседлый) бандит», однако деятельность государства напоминала скорее «кочующего бандита», который стремится побольше нагнать и уйти (эти понятия ввел американский экономист **Мансур Олсон (1932–1998)**). Ощетинившаяся оружием страна при бедном населении – вот результат «эффективного менеджмента», который привел к историческому провалу «советского проекта» в целом.

Итак, выпестованный Сталиным гигантский античеловеческий механизм позволил создать промышленность и промышленную инфраструктуру, хотя и не самую передовую, не затрачивая сколько-нибудь значительных средств на человека. Как емко сформулировала яркий публицист **Юлия Латынина**, «тоталитарные режимы в состоянии уморить миллионы человек – но они не в состоянии их прокормить».

Но не только в сталинский период, а практически на протяжении всех лет советской власти мессианство требовало низкого уровня социальных обязательств государства. После смерти Сталина режим стал менее кровавым, что, впрочем, объяснялось не столько гуманизмом партийного руководства, сколько инстинктом самосохранения: никто из представителей номенклатуры больше не хотел все время трястись от страха. Однако мессианская цель осталась. Только вместо ожидания «мировой революции» и соответствующей помощи зарубежным «братьям по классу» появилась идеологема «мирного соревнования (сосуществования) с капитализмом». Но и это «соревнование» требовало, с одной стороны, постоянного наращивания военного потенциала, с другой – помощи многочисленным «братским компартиями капиталистических стран», государствам, вошедшим в «советский блок», и странам,

⁴⁵ Гусейнов Г. Язык мой – враг мой. Хроника от Ромула до Ленинопада. Киев: Laurus, 2017. С. 312.

освобождающимся от колониальной зависимости, стоило лишь их лидерам заявить о своих симпатиях к СССР.

В то же время в ситуации «мирного сосуществования» сработала социальная закономерность: ослабление репрессивного давления на общество и угасание надежд на то, что «мы строим новый мир», побудили советских людей обратить внимание на свои житейские интересы. Уже в 1950–1960-е годы прошло несколько антиправительственных выступлений рабочих, из которых сегодня наиболее известны кровавые новочеркасские события 1962 г. (выступление рабочих из-за повышения цен на мясо). Это заставило власти направлять более значительные материальные средства в социальную сферу, прежде всего на массовое жилищное строительство и постепенное повышение зарплат.

Однако экономика даже такой богатой ресурсами страны, как СССР, не могла выдержать одновременно бремя мессианства и поддержание сносного материального уровня населения. Она была слишком милитаризованной и в то же время малоэффективной, ибо плановая командная экономика, не допускающая конкуренции (соревнование между государственными предприятиями было пародией на конкуренцию), не может быть иной. Не случайно советское послесталинское руководство время от времени намечало реформы. Однако они либо не приносили успеха, либо сворачивались по идеологическим причинам, поскольку их смысл состоял в материальном стимулировании качественного производительного труда, что несло в себе намек пусть и на слабое, но подобие рыночной экономики. Так что даже к концу советской власти (1990 г.) уровень ВВП на душу населения составлял лишь 30–40 процентов от уровня развитых стран.

На какое-то время совместить обе задачи помогло резкое наращивание добычи углеводородного сырья (к 1970-м годам началось освоение богатейших запасов нефти и газа в Западной Сибири) на фоне роста с 1972 г. мировых цен на углеводороды. Однако именно сырьевая ориентация в условиях полностью государственной экономики стала затем существенным фактором краха советской модели⁴⁶.

* * *

Итак, именно мессианство привело советскую систему к краху. Но, тем не менее, у России появился еще один шанс стать государством, где люди живут нормальной – человеческой – жизнью. Модель реализации этого шанса заложена как раз в нашей Конституции.

⁴⁶ См. об этом подробнее: *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006.

Контрольные вопросы

1. Назовите три основных черты советского типа власти.
2. Почему В.И. Ленин был противником принципа разделения властей?
3. Какие основные элементы характеризуют организацию Советов в представлении В.И. Ленина?
4. Почему концепция «полугосударства» оказалась нереализованной?

Рекомендуемая литература

Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.

Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 33. М.: Политиздат, 1969.

Маркс К. Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального совета международного товарищества рабочих // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. М.: Госполитиздат, 1960.

Энгельс Ф. Принципы коммунизма // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955.

2

Конституция и конституционный строй

*Не в силах никакая конституция устроить отношения и дела,
чтоб разума и духа конституция постыдной и невыгодной была.
Игорь Губерман. «Из цикла «Гарики»»*

О термине

Слово «конституция» давно стало привычным. Любой человек в общем понимает, о чем речь; по крайней мере, сегодня уже вряд ли возможна ситуация, когда под «конституцией» подразумевалась бы жена великого князя⁴⁷.

Сегодня каждое государство имеет конституцию (хотя не везде она представляет собой один акт – основной закон). Почему же тогда еще два с лишним века назад это слово было знакомо только немногим образованным людям? И почему раньше государства вполне обходились без конституций? Это не такие уж простые вопросы. Сложности начинаются уже с некоторой двойственности понятия «конституция», которой оно обязано двум основным значениям латинского слова «*constitutio*»⁴⁸.

Первое – *устройство (устроение)*, т. е. нечто *существующее помимо человеческой воли*. В этом значении термин «конституция» употребляется в биологической науке, когда нужно обобщенно сказать о морфологических и функциональных особенностях организма животных и человека, сложившихся на основе наследственных и приобретенных свойств. Но в таком значении и мы его иногда применяем в обыденной жизни, например если хотим объяснить свою полноту или худобу: «У меня такая конституция». Применительно к государствам конституции в этом, «*биологическом*», смысле существовали даже в древнейших восточных деспотиях. Сердцевиной таких конституций был полный произвол правителя: например, возможность лишить свободы, собственности или самой жизни любого из своих подданных даже без объявления причин (как царь Ирод, приказавший избить младенцев – уничтожить 14 тысяч ни в чем не повинных детей до двух лет).

Выдающийся немецкий юрист **Георг Еллинек** (1851–1911) именно этот смысл имел в виду, когда утверждал:

«Всякий постоянный союз нуждается в порядке, согласно которому создается и исполняется его воля, ограничивается его компетенция, регулируется положение его членов в самом союзе и по отношению к нему. Такого рода порядок называется конституцией. У каждого государства имеется, таким образом, своя конституция. Государство без конституции было бы анархией. Конституция свойственна *даже «тирании»* в античном смысле – так называемым деспотиям, равно как и такому строю, где правление находится в руках демократического комитета общественного спасения вроде французского 1793 года»⁴⁹. Тут, правда, Еллинек несколько противоречит

⁴⁷ Кавычки вокруг слова «партия» означают его условный характер. Оно буквально означает *часть*. Коммунистическая же партия после Октября 1917 г., быстро расправившись даже со своими союзниками по революционной борьбе – левыми эсерами и меньшевиками, стала уже не частью, а *целым*.

⁴⁸ См.: Подосинов А.В., Козлова Г.Г., Глухов А.А. *Lingua Latina*. Латинско-русский словарь. 4-е изд. М.: Флинта; Наука, 2001. С. 67.

⁴⁹ Еллинек Г. *Общее учение о государстве* // *Право современного государства*. Т. 1. 2-е изд., испр. и доп. по 2-му нем. изд.

себе, поскольку чуть выше он сказал об «ограничении компетенции», что не очень совместимо с понятиями «тирания», «деспотия», пусть и в античном понимании.

Второе словарное значение слова «конституция» – *установление*. Нетрудно видеть, что оно подразумевает уже чье-то оформленное *веление*. Именно в таком, «юридическом», значении слово «конституция» известно давно. Так назывались отдельные указы римских, затем византийских императоров до VII в. н. э. Но даже если акты, менявшие систему государственных органов, официально так не именовались, исследователи Древнего Рима тоже называли их конституциями. Например, у известного исследователя римской государственности и быта **Теодора Моммзена** (1817–1903) часто можно встретить слова о *конституции* какого-либо политического деятеля республиканского Рима (Мария, Гая Гракха, Суллы или Помпея)⁵⁰. В Средние века словом «конституция» обозначались уставы некоторых монашеских орденов (русское слово «устав» – буквальный перевод слова «конституция» в значении «установление»), а также акты, определявшие структуру управления ряда европейских городов-республик.

Однако не всякое устройство и не всякое установление можно обозначить термином «конституция», а только такое, которое предполагает нечто *принципиально важное*. Об этом, собственно, свидетельствует сам корень «const», означающий *постоянство, устойчивость, укорененность*. О различии между фундаментальным и производным, кажется, впервые было сказано **Аристотелем** (384–322 гг. до н. э.): он выделял основу государства (политию) и законы, изданные на этой основе (номос). Такое понимание и было заимствовано римлянами, которым мы обязаны словом «конституция». Г. Еллинек в небольшой брошюре «Конституция, их история и значение в современном праве» (единственное и множественное число смешаны в переводном оригинале) писал:

«Римляне также проводят строгое различие *между конституцией государства и отдельными законоположениями*, как бы велико ни было значение последних для общества. Установление конституции они обозначали специальным термином: “rem publicam constituere”. В великие *поворотные моменты* римской истории право изменения конституции возлагалось на чрезвычайные магистраты, которые облакались учредительной властью, последняя же фактически представляла собой совершенно неограниченную власть. Из этого выражения – rem publicam constituere – и возник термин “конституция” в смысле *государственного устройства*, вошедший, впрочем, во всеобщее употребление лишь с XVIII века»⁵¹.

Чрезвычайный магистрат, или экстраординарная магистратура (magister populi – букв. «предводитель народа»), представлял собой, по существу, диктатуру. Только не в современном – негативном – смысле. В частности, должность magister populi вводилась при серьезной угрозе Республике и не более чем на шесть месяцев. Только последний «предводитель народа» – Луций Корнелий Сулла (138–78 гг. до н. э.) – объявил себя пожизненным диктатором.

Весьма удачно, кстати, перевел термин «конституция» наш выдающийся соотечественник **М.М. Сперанский** (1772–1839), чей голос, к сожалению, не был вовремя услышан, а

С.И. Гессеном. СПб.: Издание Юридического книжного магазина Н.К. Мартынова, 1908. С. 371.

⁵⁰ См.: Моммзен Т. История Рима / воспроизведение перевода «Римской истории» (1939–1949 гг.) под науч. ред. С.И. Ковалева, Н.А. Машкина. СПб.: Наука; Ювента, 1997.

⁵¹ Еллинек Г. Конституция, их история и значение в современном праве. СПб.: Книгоиздательство «Голос», б.г. С. 8.

реформаторский потенциал не был оценен. Он говорил о конституции как о «*коренных законах*»:

«Каким образом *коренные законы* государства соделать столько *неподвижными и непрменяемыми* (архаичный вариант слова «неизменными». – М. К.), чтоб *никакая власть преступить их не могла* и чтоб сила, в монархии вседействующая, над ними единственно никакого действия не имела? Сей вопрос всегда был наиважнейшим предметом размышления всех добрых государей, упражнением наилучших умов, общею мыслию всех, кто истинно любит отечество и не потерял еще надежды видеть его счастливым»⁵².

Итак, само слово «конституция» известно давно. Но применялось оно в политической и правовой сферах весьма редко, что неудивительно: до определенного времени термин имел иной смысл, нежели сегодня. Известный немецкий социал-демократический деятель XIX в. **Фердинанд Лассаль** (1825–1864), о взглядах которого на сущность конституции мы поговорим отдельно, считал, что при переходе к абсолютной монархии «государю нет надобности писать новую конституцию; монархия *слишком практична*, чтобы заниматься этим»⁵³. Однако вопрос тут вовсе не в практичности. Лассаль имел в виду монарха как полновластного правителя, а *конституция в современном смысле родилась как раз для того, чтобы устранить чье бы то ни было полновластие, всевластие*.

⁵² Сперанский М.М. О коренных законах государства // Сперанский М.М. Юридические произведения / под ред. и с биогр. очерком В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. С. 274.

⁵³ Лассаль Ф. О сущности конституции (Речь, произнесенная в одном берлинском окружном собрании в 1862 г.) // Сочинения Фердинанда Лассаля: в 2 т. Т. 2. СПб.: Изд. Н. Глаголева, 1905. С. 20.

Рождение конституции современного типа

Считается, что конституции, несущие идею ограничения власти, появились лишь в последней четверти XVIII в. Верно. Но это не было внезапным событием, не было чьим-то озарением. Это был итог длительного процесса, начавшегося еще в XVI в. В это время, писал Г. Еллинек, появляется понятие «*основной закон (lex fundamentalis)*», который «обладает высшей силой сравнительно с другими законами: даже *сам король связан этим законом* и не может по своему личному усмотрению изменять его. Во Франции, в эпоху Генриха IV Луайзо заявляет, что «*lois fondamentales de l'Estat*» (основные законы государства) ставят *прочные границы королевской власти*»⁵⁴. Эти акты и были прообразом современной конституции.

Крупные ученые, среди которых – **Томас Гоббс** (1588–1679), **Джон Локк** (1632–1704), **Сэмюэль фон Пуфендорф** (1632–1694), **Христиан Вольф** (1679–1754), **Жан-Жак Руссо** (1712–1778), **Эмер де Ваттель** (1714–1767), **Уильям Блэкстон** (1723–1780), **Эдмунд Берк** (1729–1797), начинают осмысливать природу основного закона. И при всех различиях позиций они согласны в том, что это есть *общественный договор*⁵⁵.

Неудивительно, что первые американские переселенцы, бежавшие чаще всего от преследований по религиозным мотивам и видевшие свое будущее государство как государство свободы и равноправия, восприняли такую идею конституции. Будучи в большинстве своем пуританами, они исходили из понимания государства как христианской общины, возникшей «в силу соглашения, в силу общественного договора, который должен быть заключен единогласно всеми членами сообщества»⁵⁶. Наиболее важной из конституций колоний Г. Еллинек считал Конституцию Коннектикута – Fundamental Orders of Connecticut (1639 г.): «Здесь в *форме торжественного договора* изложена подробная конституция государства»⁵⁷. В этот же период подобного рода акты были приняты и в некоторых других колониях (впоследствии штатах): Массачусетсе, Пенсильвании, Род-Айленде.

Конец XVIII в. можно смело назвать моментом цивилизационного прорыва человечества. А выразился этот прорыв главным образом как раз в появлении *первых конституций современного типа – США (1787 г.), Польши (май 1791 г.) и Франции (сентябрь 1791 г.)*.

Соединенные Штаты. В ходе Войны за независимость (1775–1783 гг.) американские штаты (колонии) вышли из-под юрисдикции британской короны. Встал вопрос о характере будущего государства. Но колонисты не начинали с нуля: еще за 11 лет до момента принятия Конституции Второй Континентальный конгресс, в котором участвовали 65 делегатов от всех 13 штатов (г. Филадельфия, 4 июля 1776 г.), принял *Декларацию независимости*, в основу которой был положен текст, написанный **Томасом Джефферсоном** (1743–1826), впоследствии ставшим третьим Президентом США. Декларация в основном была посвящена объяснениям, почему колонисты не желают больше жить под властью короля Георга III. Однако наряду с этим в ней провозглашались те ключевые идеи, на основе которых американцы стали строить свою государственность, – *естественные права*

⁵⁴ Еллинек Г. Конституция... С. 11.

⁵⁵ См.: Там же. С. 16–18.

⁵⁶ Еллинек Г. Конституция... С. 12.

⁵⁷ Там же. С. 12–13.

человека и несовместимость с ними тиранического правления. Вот что говорится в одном из первых абзацев этого документа: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что *все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью.* Для обеспечения этих прав людьми учреждаются правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых. В случае, если какая-либо форма правительства становится губительной для самих этих целей, *народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье.* Разумеется, благоразумие требует, чтобы правительства, установленные с давних пор, не менялись бы под влиянием несущественных и быстротечных обстоятельств; соответственно, весь опыт прошлого подтверждает, что люди склонны скорее сносить пороки до тех пор, пока их можно терпеть, нежели использовать свое право упразднять правительственные формы, ставшие для них привычными. Но *когда длинный ряд злоупотреблений и насилий, неизменно подчиненных одной и той же цели, свидетельствует о коварном замысле вынудить народ смириться с неограниченным деспотизмом, свержение такого правительства и создание новых гарантий безопасности на будущее становится правом и обязанностью народа*».

Отношение к Декларации «отцов-основателей» было таково, что она сама по себе уже была конституцией и составляла существенную часть общественного консенсуса⁵⁸. Это отчасти объясняет, почему в основном тексте американской Конституции, принятой 17 сентября 1787 г., отсутствуют нормы о правах личности. Разработчики сосредоточились на обеспечении такого устройства власти, которое бы служило гарантией от тирании, или, как сказали бы сегодня, от авторитаризма, от режима личной власти. Другое дело, что уже 15 декабря 1791 г. были ратифицированы первые *десять конституционных поправок* (некоторые из них, впрочем, закрепляли не столько конкретные права и свободы, сколько *принципы* правового положения личности). Они получили название *Билль о правах* (не путать с британским Биллем о правах 1689 г.). Впрочем, раздел о правах и свободах отсутствует и в Конституции Австралии, однако это не мешает стране быть одной из передовых в соблюдении и защите прав личности⁵⁹.

Польша. Здесь Конституция, принятая 3 мая 1791 г. (формально именовалась «Государственный закон»), появилась как юридическое оформление компромисса между нарождавшейся буржуазией и потомственной аристократией (шляхтой). Считается, что принятие Конституции Польши погасило опасность гражданской войны. Эта Конституция не основывалась на идее естественных и равных прав человека (по крайней мере, в стране сохранялся крепостной строй), да и просуществовала она недолго: через четыре года государство утратило независимость (второй и третий разделы Польши). Однако

⁵⁸ См., например: Альберт Р. «Выгоды», доступные президентским республикам, в условиях парламентских демократий // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 3. С. 36; Merkel R. Separation of Powers – A Bulwark for Liberty and a Rights Culture // Saskatchewan Law Review. 2006. Vol. 69. No. 1. P. 129–130.

⁵⁹ См., например: Храмова Т. Австралия: Конституция без прав и права вне Конституции // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 4.

польская Конституция рассматривается как вторая в мире и первая в Европе конституция современного типа потому, что была **актом высшей юридической силы, ограничивающим власть монарха**.

Франция. Особенностью первой Конституции, принятой Учредительным собранием 3 сентября 1791 г., стало включение в ее официальный текст *Декларации прав человека и гражданина* от 26 августа 1789 г., которая до сих пор является неотъемлемой частью Конституции Франции. Хотя особа короля в первой Конституции провозглашалась неприкосновенной и священной, одновременно закреплялось, что «во Франции нет власти, стоящей над законом. Король царствует лишь в силу закона, и лишь именем закона он может требовать повиновения». Еще больше оснований считать Конституцию Франции одной из первых конституций современного типа дает то, что она превратила **каталог прав и свобод личности в составную часть конституции и связала реальность этих прав и свобод с принципом разделения властей**.

Хотя все три конституции довольно сильно отличались друг от друга по структуре и формулировкам; хотя разным был общественно-политический контекст, в котором они рождались, все они относятся к *первым конституциям современного типа*, поскольку объединены **идеями ограничения государственной власти**. Первые конституции породили довольно бурный процесс принятия конституций в ряде европейских, а также латиноамериканских государств. Но почва для этого к началу XIX в. была уже взрыхлена: идея конституционализма охватила мыслящую часть общества и даже многие монархи поняли, что противиться этой идее опасно.

Большую роль в «конституционализации» Европы сыграли и *Наполеоновские войны*, что, вообще-то, являет собой некоторый парадокс: Наполеон пытался создать империю и в то же время нес антиимперские идеи. Выдающийся русский правовой мыслитель **Б.Н. Чичерин** (1828–1904) писал, что Наполеоновские войны оказали *либерализующее влияние*: «После падения Наполеона представительные учреждения скорее всего возникли в тех странах, на которых он оставил свои следы», именно там «законная власть и свобода соединились для низложения военного деспотизма»⁶⁰. Это подтверждает и Г. Еллинек, который отмечал, что в конце 1810-х – начале 1820-х годов по инициативе самих монархов были приняты конституции ряда немецких княжеств – Баварии, Вюртемберга, Бадена, Гессена⁶¹. Это не означало, что монархи были большими «конституционалистами», нежели их подданные. Просто некоторые из них смогли понять: наступает новая эпоха, с требованиями которой нельзя не считаться. Как писал тот же Г. Еллинек, они хотели «согласовать долженствовавший быть созданным конституционный порядок с княжеским суверенитетом, который надлежало охранить от поглощения его революционными идеями»⁶².

В то же время оставались государства (к сожалению, Россия была в их числе), где конституционные идеи еще не овладели обществом и потому не было должного общественного напора. Поскольку требование конституции в те времена воспринималось как требование ограничить власть монарха, «конституция» ассоциировалась с «революцией». Образную иллюстрацию такого положения вещей можно найти у нашего замечательного писателя с острым сатирическим взглядом **М.Е. Салтыкова-Щедрина**

⁶⁰ См.: Чичерин Б.Н. О народном представительстве. СПб.: Наука, 2016. С. 210–211.

⁶¹ См.: Еллинек Г. Общее учение о государстве. С. 343.

⁶² Там же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.